

М.И. Воловикова
С.В. Тихомирова
А.М. Борисова

Психология и праздник

**С. В. Тихомирова
А. М. Борисова
М. И. Воловикова**

Психология и праздник

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12002644

Психология и праздник. Праздник в жизни человека: ПЕР СЭ; М.; 2003

ISBN 5-9292-0084-X

Аннотация

В русском языке есть выражение: «для меня это настоящий праздник!». По-грузински праздник: «день чуда». А на английском языке наиболее точно значение этого слова можно выразить как «праздничное настроение» (holiday spirit). В чем сила воздействия праздника на личность? Какое место принадлежит праздникам в истории человечества, в жизни каждого народа, каждого человека? На эти вопросы стараются ответить в своих исследованиях историки, этнологи, этнографы. Однако психологи только начинают осваивать тему праздника. География проведенного авторами исследования особенностей личностных представлений о «настоящем празднике» охватывает не одну только Россию, а в самой России – не только русских. О роли и значении праздника в жизни народа, в жизни конкретной личности и рассказывается в этой книге. Читатель сможет здесь также найти ответы на вопросы: Куда уходит праздник, если его «отменяют»? и – Что значит Новый год для людей, выросших в России?

Для психологов, педагогов, этнографов, философов и самой широкой читательской аудитории.

Содержание

Вступление	5
Лето Господне	7
Великий пост	12
Пасха	16
Рождество	17
Именины	19
Преображение	23
Радуница	25
Интервью с экспертом	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**М.И. Воловикова, С.В.
Тихомирова, А.М. Борисова
Психология и праздник.
Праздник в жизни человека**

© М.И. Воловикова, 2003

© С.В. Тихомирова, 2003

© А.М. Борисова, 2003

© ПЕР СЭ, оригинал-макет, оформление, 2003

Вступление

В русском языке есть выражение, трудно переводимое на некоторые европейские языки: «для меня это настоящий праздник!» Что означают эти слова?

Жизнь человека состоит из праздников и буден. Праздников ждут все. Особенно им радуются дети. Взрослые охотно готовятся к праздникам, вспоминая свое детство. Будни сменяются кратким временем праздника, но в памяти этот миг остается надолго.

В чем сила воздействия праздника на личность? Какое место принадлежит праздникам в истории человечества, в жизни каждого народа? На эти вопросы стараются ответить в своих исследованиях историки, этнологи, этнографы. Однако психологи пока праздника касаются мало. О чем же пойдет речь в книге? Чтобы пояснить это, начнем с предыстории, которая уходит по времени к 20-м годам XX века.

1917 год поделил жизнь людей в России на время *до* и *после* революции. Прошедший переворот по-разному коснулся каждого социального слоя, каждой конкретной личности. Все, что случилось потом в течение следующих лет, замечательный отечественный психолог Сергей Леонидович Рубинштейн назвал «ломкой сложившегося быта, уклада жизни», связав с этим процессом объективные трудности людей, и прежде всего молодежи, в новом обществе [30, с. 351]. Какая психологическая реальность лежит за словами «уклад жизни»? Это ритмы жизненного цикла, в котором пребывали наши предки и которые организовывали их мировоззренческие устои.

Конечно, общество к началу XX века уже не было однородным, но самые крупные вехи общегосударственного ритма существовали. И связаны они были с праздниками. Один недавно выпущенный фундаментальный труд позволяет вспомнить следующее: «В предреволюционные годы в России насчитывалось свыше 30 государственных праздников. Преобладали среди них церковные. Государственными праздниками (табельными днями) были: Пасха (Четверг, Пятница, Суббота Страстной и вся Пасхальная неделя), все великие праздники, за исключением Рождества Иоанна Предтечи (24 июня¹), а также дни св. Николая Чудотворца (6 мая), перенесения мощей святого князя Александра Невского (30 августа), преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова (26 сентября) и празднования Казанской иконе Божией Матери (22 октября). *Неприсутственными* (нерабочими) днями были также Пятница и Суббота масленичной недели. Из гражданских праздников в ранг государственных были возведены лишь январский Новый год и так называемые царские дни – дни восшествия на престол и коронации» [31, с. 584–585]. «Государственный праздник» означает, что граждане государства одновременно в указанные дни освобождаются от необходимости трудиться и все вместе вспоминают определенное событие, которому посвящен данный праздник. Как видно из перечня, подавляющее большинство общегосударственных праздников были христианскими. Это естественно: Россия была православной державой.

Огромную роль стали играть праздники и в советской России. Они были направлены на то, чтобы задавать всем гражданам единый ритм, отличный от «дореволюционного». Интересны и пока практически не исследованы в психологии внутренние причины устойчивости прежних ритмов. Недолго продержалась «пятидневка», и «отмененное» было *воскресенье* вернулось, завершая каждую неделю. С испытаниями, преодолевая жесткие *запретительные меры*, вернулась в жизнь взрослых и детей наряженная елка (правда, ставшая для большинства «новогодней», а не «Рождественской», как было прежде).

¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю. Для того чтобы соотнести это с новым календарем, нужно к указанному числу приплюсовать 13 дней.

Интересно, сколько изобретательности и сил направлено было новой властью на замену прежних праздников новыми. Так День рождения Императора Николая II (19 мая по новому стилю) заменил «день рождения пионерской организации». Появились «праздники весны», «русской березки», «урожая», приблизившиеся по своим срокам к Пасхе, Троице, Успению и Покрову...

Итак, с одной стороны, есть работы историков, этнологов, составивших описания праздничных ритмов, которым следовало население нашей страны, и их динамики на протяжении, по крайней мере, последних двух сотен лет [14, 15, 22, 24, 31, 48 и др.]. С другой стороны, вопрос о том, *что* эти изменения вносили и вносят в жизнь каждой конкретной личности, пока специально не ставился. Здесь и начинается тема, предложенная в настоящей книге: *психология и праздник*.

В нашем рассказе по этой теме мы постараемся постепенно обозначить ее границы, обсудить методы исследования и поделиться полученными результатами. *География* собранных нами данных охватывает не одну только Россию, а в самой России – не только русских. «Революционная ломка» жизненных устоев внесла свои коррективы в судьбу и бурят, и калмыков, и «русских немцев», и народов Кавказского региона... О них также пойдет рассказ в этой книге. Будет проведено сравнение с тем, что под *праздником* понимают в Старом и Новом Свете: поможет в этом Интернет.

Главные *методы*, которые мы применяли в исследовании, – это изучение *социальных представлений*, *биографический метод* и то, что мы бы условно определили как *историческая реконструкция*. С последнего мы и начнем рассказ, поскольку он поможет читателю воссоздать картину праздничной жизни страны конца XIX – начала XX веков, то есть в *допереломную* эпоху. Кроме научных книг будут использованы и дневники, и художественные произведения автобиографического характера. Одно из них дало название первой главе книги: «Лето Господне» Ивана Шмелева.

Лето Господне

*Из рассказов для Ива о далекой и недоступной в те годы Родине
и возникло то, что стало позднее «Летом Господним». Оказалось, что
праздники – это и есть Родина*

Русский писатель Иван Шмелев с 1923 года находился в эмиграции: во Франции, в Югославии, затем вновь во Франции. Там он и написал «Лето Господне» (1927–1944 гг.). Читатели в России увидели это произведение только в конце 80-х годов². С тех пор книга выдержала несколько переизданий, но интерес к ней остается стойким. Основанная на детских воспоминаниях самого автора, она воспроизводит годичный³ праздничный цикл в России и то, какой душевный настрой нес каждый из праздников, как он организовывал жизнь семьи, отношения людей и даже хозяйственную жизнь Москвы конца 70-х годов XIX века. Это было время, когда в районе современного Крымского моста в Москве-реке полоскали белье и ловили пескарей⁴, на Якиманке утром можно было услышать, как играет на рожке пастух, собирая стадо, а на Кузнецком мосту коровы мешали проходить нарядным горожанам...

«Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество. Ну что же... Не поймешь чего – подскажет сердце. Как будто я такой как ты. Снежок ты знаешь? Здесь он – редко, выпадет – и стаял. А у нас повалит, свету, бывало, не видать дня три!.. Тихо у нас зимой и глухо. Несутся санки, а не слышно. Только в мороз визжат полозья...» *Милый мальчик*, к которому обращается писатель, это племянник Ивана Шмелева Ив – наполовину русский, наполовину француз. Из рассказов Иву о далекой и недоступной в те годы Родине и возникло то, что стало позднее «Летом Господним». Оказалось, что праздники – это и есть Родина. Но выяснилось это не сразу, а некоторое время спустя после того, как писатель покинул Россию.

² Одной из первых отечественных публикаций, видимо, является издание 1988 года: Иван Шмелев. *Лето Господне*. Праздники. Радости. Скорби. М., «Советская Россия».

³ «Лето» по-славянски означает «год».

⁴ «Река – раздолье, вольной водицей пахнет, и рыбкой пахнет, и смолой от лодок, и белым песочком, москворецким. Налево – веселая даль, зеленая – Нескучный, Воробьевка. Москва-река вся горит на солнце, колко глазам от ряби, зажмуришься... – и нюхаешь и дышишь всеми-то струйками: и желтиками, и травкой, и свербикой со щавельком, и мокрыми плотами-смолкой, и бельецом, и согрвшимся бережком-песочком, и лодками... – всем раздольем» [50, с. 403].

В.Д. Поленов. Московский дворик. 1878.

Оставив в голодном и холодном Крыму могилу сына, расстрелянного без суда и следствия в одном из чекистских подвалов⁵, в 1923 году Иван Шмелев оказался во Франции. Здесь, больной и надломленный, писатель испытал тяжелейшие приступы ностальгии. Он напряженно вслушивался в звуки, всматривался в краски, которые напоминали бы о Родине: «Ищу чего-то. Земля – чужая, небо... – и оно другое. Или мои глаза – другие?... Из глубины душевной, где тени прошлого, я вызываю мое небо. Светлое, голубоватое, как полог над моей кроваткой, всегда в сиянье. Белых ли голубей в нем крылья, кресты ли колоколен в блеске... или это снежок сквозистый, облачка?... Оно вливается потоком в окна, крепким, свежим, все заливает *новым*, даже глухие сени, где еще хмурый холодок зимы, где еще пахнет звездными ночами, мерзлым треском. Мое родное, мое живое небо...» (Париж, 1924 год [51, с. 12]). В какой-то момент мозаика отдельных запахов, звуков и цвета объединяется в единой песне, сопровождавшей всегда праздничный крестный ход, когда на улицы древней русской столицы выливались людские потоки из всех московских церквей: «Я вслушиваюсь в себя. Поют?... Сосны поют. В гуле вершинных игл слышится мне живое: поток и рокот. Этот великий рокот, святой поток – меня захватили с детства. И до сегодня я с ними, в них. С радостными цветами и крестами, с соборным пением и колокольным гулом, с живою душой народа. Слышу его от детства – надземный рокот Крестного Хода русского, шорох знамен священных» (Ланды, 1925 год [там же, с. 19]).

Праздник оживает в памяти и с такими достоверными в своей простоте и конкретности воспоминаниями, которые могут принадлежать только времени детства: «Свежий запах

⁵ Писатель создал потрясающее душу свидетельство об этих годах в книге «Солнце мертвых» [52].

– будто сырой бумагой, шуршанье серенького платья няни. Праздничное, еще не мытое, оно трет щеки. Воздух со двора чудесный, свежий, перезвон веселый. Полог моей кровати дрожит, отходит, и голубое небо смотрит в блеске. И в нем – яичко, на золотом колечке, на красной ленточке, живое!..» [там же, с. 12]. Пасха! О пасхальном яичке из детства напомнили писателю шоколадные яйца парижских витрин. Но когда создавалось «Лето Господне», книга началась с периода, всегда предшествующего настоящему празднику – *времени подготовки к нему*. Подготовительное время перед Пасхой – Великий пост...

В других главах мы расскажем о том, какие воспоминания о празднике сохраняются в памяти наших современников – как детей, так и взрослых, к какому времени их жизни относятся эти воспоминания, с какими настроениями, событиями, угощениями или подарками связаны их *представления о празднике*. Однако свидетельство, которое оставил Иван Шмелев в «Лете Господнем», отличает такая полнота, без которой, как мы считаем, в наше время было бы трудно и поднять саму тему значения праздника в жизни человека.

Великий пост

«Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас в доме чистят» [50, с.256]. Два годовых круга проходит автор в своих воспоминаниях. Начинаются они со времени Великого поста. Подсчитать возраст, к которому относятся воспоминания, просто. На следующем годовом круге (другой период от Великого поста до масленицы) мальчик впервые пошел к исповеди, то есть ему исполнилось тогда семь лет. Значит, в начале повествования ему шесть лет. Воспоминания отчетливые и яркие. Множество подробностей и деталей – запахов, цвета, оттенков настроения – свидетельствуют о правдивости воспоминаний.

Обращение к книге позволяет увидеть реконструкцию внутреннего мира шести-семи-летнего ребенка. Возможно, кроме явной художественной одаренности рассказчика свою роль сыграло и глубокое трагическое переживание, перенесенное в семилетнем возрасте. У Вани Шмелева погибает отец – молодой, горячо любимый. Мальчик испытывает потрясение. Картина похорон отца заканчивает книгу. Лето Господне – это годовое кольцо, веками и главными событиями которого являются праздники.

«В передней, перед красноватой иконой Распятия, очень старой, от покойной бабушки, которая ходила по старой вере, зажгли «постную», голубого стекла, лампадку, и теперь она будет негасимо гореть до Пасхи. Когда зажигает отец, – по субботам он сам зажигает все лампадки, – всегда напевает приятно-грустно: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко», и я напеваю за ним, чудесное:

*И свято-е... Во-оскресение Твое
Сла-а-вим!*

Радостное до слез бьется в моей душе и светит от этих слов. И видится мне, за вереницею дней Поста, – Святое Воскресенье, в светах. Радостная молитвочка! Она ласковым светом светит в эти грустные дни Поста» [50, с. 258] Но картинки, которые рисует память из детства, не печальны. Они просто наполнены *другим* ритмом, отличным от всякого иного времени года. Ритм поддерживается и особым переоблачением дома (убрали нарядные занавески, ковры), тщательной уборкой, цветом, запахом (выкуривают запахи прошедшей масленицы), звуком. «В доме открыты форточки, и слышен плачущий и зовущий благовест – помни... по-мни... Это жалостный колокол по грешной душе плачет. Называется – постный благовест. Шторы с окон убрали, и будет теперь по-бедному, до самой Пасхи. В гостиной надеты старые чехлы на мебель, лампы завязаны в коконы, и даже единственная картина – «Красавица на пиру» – закрыта простынею» [там же, с. 258]. Такие замечательные подробности! Видно, что шестилетний ребенок особенно внимателен к мелочам, а великопостная подготовка вся наполнена как раз важными мелочами: «Все домашние очень строги, и в затрапезных платьях с заплатками, и мне велели надеть курточку с продранными локтями. Ковры убрали; можно теперь ловко кататься по паркетам, но только страшно. Великий пост: раскатишься – и сломаешь ногу» [там же, с.259]. Даже детей касался запрет на игры, а ведь игры – одна из важнейших составляющих общего ритма жизни.

Сразу отметим, что предписания вести себя Великим постом особым, отличным от другого времени года, образом – тише, скромнее – сохранились вплоть до середины XX века, особенно в деревнях. Так корреспондент из Новгородской области рассказывал, что на время Великого поста у них на гумне убрали качели и был запрет на игры [15]. Запрет служил именно поддержанию *иного ритма*, отличного от других годовых ритмов, а потому сохранялся дольше, чем другие составляющие времени подготовки к празднику. Уж и в церковь (если ее еще не успели снести) мало кто доходил, а свадьбу на Великий пост никто не согла-

шался назначать («не к добру это» – свидетельство нашего корреспондента из Подмосковья, 70-е годы XX века).

И в картине, нарисованной в «Лете Господнем», нет тоски или какого-то протеста ребенка против наступивших ограничений. В иной ритм включаются все окружающие: домочадцы, знакомые и незнакомые люди. Это ритмы, которыми живет *вся держава*. Не принято торговать мясом, заходить в колбасные – они и закрыты. Над городом веет запах грибной солянки. Даже рыбу и икру никто не покупает: каждому известно, что Великим постом рыбу можно есть только на Благовещение и Вербное воскресенье, а на Лазареву субботу – икру. Ребенок легко впитывает общие для всех правила. Проблемы для него могут начинаться лишь при разном. *Единый ритм* – это как раз то, что нужно для спокойного и гармоничного формирования душевной организации подрастающего человека. Да и не так трудны для него ограничения: «Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно? Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... мороженная клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки...» [50, с. 259]. Здесь мы обрываем описание куличного богатства прежней России, но вновь вернемся к нему, когда перейдем к картинам праздников. Это ведь тоже элементы отечественной культуры, во многом забытые.

Ритм задается колокольным звоном. В Москве колокольный звон начинал колокол Ивана Великого, а следом все «сорок сороков» наполняли город гулом – в каждое время своим:

«Благовест, к стоянию⁶ торопиться надо, – прислушивается Горкин, – в Кремлю уда-рили?..

Я слышу благовест, слабый и постный.

– Под горкой, у Константина-Елены. Колоколишко у них старенький... ишь как плачет!

<...> От Кремля благовест, вперебой, – другие колокола вступают. И с розоватой церковки, с мелкими главками на тонких шейках, у храма Христа Спасителя, и по реке, подальше, где Малюта Скуратов жил, от Замоскворечья, – благовест: все зовут. Я оглядываюсь на Кремль: золотится Иван Великий, внизу темнее, и глухой – не его ли колокол томительно позывает – помни...<...> Помню» [там же, с. 283].

На этом тихом, как бы приглушенном фоне только ярче высвечиваются и запоминаются ребенком важные вехи-события времени подготовки к Празднику Воскресения, наполненные своими знаками-обозначениями, родственными детскому восприятию мира. На Крестопоклонной неделе – домашнее печенье – кресты: «где лежат попереченки «креста» – вдавлены малинки из варенья, будто гвоздочками прибито. Так спокон веку выпекали, еще до прабабушки Устиньи, – в утешение для поста» [там же, с.491]. Пушистые вербочки – первые цветы холодной русской природы – на Вербное воскресенье; крашение пасхальных яиц, готовка куличей и пасхи в Великий Четверг; Четверговая свеча – «Я несу от Евангелий⁷ смотрю на мерцающий огонек: он святой. Тихая ночь, но я очень боюсь: погаснет! Донесу – доживу до будущего года. Старая кухарка рада, что я донес. Она вымывает руки, берет святой огонек, зажигает свою лампадку, и мы идем выжигать кресты. Выжигаем над две-

⁶ В первые четыре дня Великого поста в церкви читается Великий Покаянный канон Андрея Критского. Затем в один из дней пятой недели он прочитывается полностью, и эта служба называется «стояние Марии Египетской». Видимо, от этого «стояния» Горкин – старенький столяр, добрый и сам ясный как ребенок – называет все службы с чтением Великого Покаянного канона «стоянием».

⁷ В Великий Четверг в церкви читают «12 Евангелий», двенадцать отрывков из Евангелия, где говорится о распятии Христа. Во время чтения все в церкви зажигают свечи. После службы свечу относят домой, стараясь не потушить ее. Еще в начале 90-х годов XX века мы могли наблюдать в одном крупном казацком поселении, как по улочкам шли люди со светящимися в темноте сумками или сосудами, в которых находилась Четверговая свеча. Это незабываемое по красоте зрелище.

рю кухни, потом на погребнице, в коровнике...» [там же, с. 297]. Это и принятое Постом говение взрослых: «Все на нашем дворе говеют. На первой неделе отговелся Горкин, скорняк со скорничихой и Трифоныч с Федосьей Федоровной. Все спрашивают друг дружку, через улицу окликают даже: «Когда говеете? ...ай поговели уж?...» Говорят весело так, от облегчения. «Отговелись, привел Господь». Ато тревожно, от сокрушения: «Да вот, на этой неделке, думаю... Господь привел бы» [там же, с. 502]. А в семь лет – это незабываемое, первое в жизни говение: важная веха в осознании своей «взрослости»: «Я подрос, теперь уж не младенец, аотроча, поговел-исправился, как большие...» [там же, с.519].

Сразу заметим, что говение могло быть связано не только со временем Великого поста, просто тогда оно было практически, обязательным, а в иное время – «по усердию» или в связи с особыми обстоятельствами. В «Войне и мире» графа Льва Николаевича Толстого говенье Наташи Ростовой является важным моментом выхода героини из душевного кризиса. «В конце Петровского поста Аграфена Ивановна Белова, отраденская соседка Ростовых, приехала в Москву поклониться московским угодникам. Она предложила Наташе говеть, и Наташа с радостью ухватилась за эту мысль. Несмотря на запрещение докторов выходить рано утром, Наташа настояла на том, чтобы говеть, и говеть не так, как говели в доме Ростовых обыкновенно, то есть отслушать на дому три службы, а чтобы говеть так, как говела Аграфена Ивановна, то есть всю неделю, не пропуская ни одной вечерни, обедни или заутрени» (40, т. III, с. 63]. На время говения человек как бы исключался из привычных ритмов и, в идеале, полностью погружался в ритмы церковные, где совершаются события мира иного, «горнего», существующие *всегда*, то есть в вечности. Помогает этому и чистота, и пост, и ранние вставания, и напряженная работа со своей совестью, исповедь и венец, результат говения – причащение. Исповедь не обсуждалась, о ней настолько не принято было рассказывать (это – «тайна»), что Толстой даже не упомянул, в чем каялась Наташа во время исповеди. Такова была стойкая традиция русской литературы – не говорить о сокровенном.

Но ребенку (даже достигшему возраста «отроча», то есть отроку, подростку) не свойственно молчать и утаивать (ведь и исповеди первых христиан были прилюдными!). В результате мы можем увидеть, как проходила исповедь в Казанской церкви на Якиманке Великим Постом 1880 года (Иван Шмелев родился в 1873 году). «Приходим загодя до вечерни, а уж говельщиков много набралось. У левого крылоса стоят ширмочки, и туда ходят по одному со свечкой. <...> Из-за ширмы выходит Зайцев, весь-то красный и крестится. Уходит туда пожарный, крестится быстро-быстро, словно идет на страшное. Я думаю: «И пожаров не боится, а тут боится». Вижу под ширмой огромный его сапог. Потом этот сапог вылезает из-под заслончика, видны ясные гвоздики – опустил, пожалуй, на коленки. И нет сапога: выходит пожарный к нам, бурое лицо его радостное, приятное. Он падает на колени, стучает об пол головой, много раз скоро-скоро, будто торопится, и уходит. Потом выходит из-за заслончика красивая барышня и вытирает глаза платочком – оплакивает грехи?»

К исповеди готовятся загодя: «Все грехи мы с Горкиным перебрали, но страшных-то, слава Богу, не было. Самый, пожалуй, страшный, как я в Чистый Понедельник яичко выпил...». Теперь настала очередь «нести грехи» на исповедь. «Ну, иди с Господом...», – шепчет Горкин и чуть подталкивает, а у меня ноги не идут, и опять все грехи забыл. Он ведет меня за руку и шепчет: «Иди, голубок, покайся». А я ничего не вижу, глаза застлало. Он вытирает мне глаза пальцем, и я вижу за ширмами аналой и о. Виктора. Он манит меня и шепчет: «Ну, милый, откройся перед Крестом и Евангелием, как перед Господом, в чем согрешал... не убойся, не утай...». Я плачу, не знаю, что говорить. Он наклоняется и шепчет: «Ну, папашеньку-мамашеньку не слушался...» А я только про лапку помню.

– Ну, что еще... не слушался... надо слушаться... Что, какую лапку!..

Я едва вышептываю сквозь слезы:

– Гусиная лапка, ту... синую лапку... позавидовал...

Он начинает допрашивать, что за лапка, ласково так выпрашивает, и я ему открываю все. Он гладит меня по головке и вздыхает:

– Так, умник... не утаил... и душе легче. Ну еще что?...

Мне легко, и я говорю про все: и про лопату, и про яичко, и даже как осуждал о. прото-диакона. <...> Батюшка читает мне наставление, что завидовать и осуждать большой грех, особенно старших.

– Ишь ты, какой заметливый... – и хвалит за «рачение» о душе. <...> Накрывает меня епитрахилью и крестит голову. И я радостно слышу: «... прощаю и разрешаю». Выхожу из-за ширмочки, и все на меня глядят, – очень долго я был. Может быть, думают, какой я великий грешник. А на душе так легко-легко» [50, с. 506–508].

Страстная неделя – особое время, каждый день которой настолько значителен, что его даже принято писать с заглавной буквы: Великий Понедельник, Великий Вторник...

Великая Пятница – время Распятия Христа. Днем происходит служба перед Плащаницей (иконой положения во гроб), и звучат погребальные звуки колокола. «Ударяют печально, к Плащанице. Путается во мне и грусть, и радость: Спаситель сейчас умрет... и веселые стаканчики⁸, и миндаль в кармашке, и яйца красить... и запахи ванили и ветчины, которую нынче запекли, и грустная молитва, которую напевает Горкин, – «Иуда нече-сти-и-вый... сирибром помрачи-и-ися» [там же, с.298].

Что означало все для души ребенка – эта одновременность противоположного? Так он обучался не бояться смерти: «Ночь. Смотрю на образ, и все во мне связывается с Христом: иллюминация, свечи, вертящиеся яички, молитвы, Ганька, старичок Горкин, который, пожалуй, умрет скоро... Но он воскреснет! И я когда-то умру, и все. И потом встретимся все... и Васька, который умер зимой от скарлатины, и сапожник Зола, певший с мальчишками про волхвов, все мы встретимся *там*. И Горкин будет вырезать винограды на пасочках, но какой-то другой, светлый, как беленькие души, которые я видел в поминаньи. Стоит Плащаница, в церкви, одна⁹, горят лампы. Он теперь сошел в ад и всех выводит из огненной геенны» [там же, с. 300].

⁸ В стаканчиках готовили фейерверк. В полночь на Пасху церкви озарялись иллюминацией. Над Москвой был салют.

⁹ Время, которые здесь описывается, – ночь накануне Великой Субботы.

Пасха

У каждого праздника свой ритм, свой оттенок. Пасха – Воскресение Христа – средоточие всех ритмов, всех красок. Ритмы Пасхи похожи на внезапный прорыв ликующей радости из мира иного. Эта радость такой силы, что не будь всей предшествующей празднику подготовки, человеку ее трудно вместить.

Пасха в России всегда была самым любимым праздником¹⁰. Пасхальные ритмы во многом определили черты русского характера в том виде, как он складывался веками: такое его качество как потребность в громогласной открытости миру в радости – «звонить на всю Ивановскую». «За окнами перезвон веселый, ликует Пасха. Трезвонят у Казанской, у Ивана Воина, дальше где-то... – тоненький такой звон. Теперь уж по всей Москве, всех пускают звонить на колокольни, такой обычай – в Пасху поликовать. Василь Василю все вчера руки отмотал, звонивши, к вечеру заслабел, свалился» [там же, с. 520]. В русском языке существует выражение «пасхальная радость». Наши предки знали, чувствовали, что оно означает.

Время праздника не уходит сразу. Пасха – это вся неделя – *Святая неделя*. «В субботу на Святой монахини из Страстного монастыря привозят в бархатной сумочке небольшой пакетец: в белой писчей бумаге, запечатанный красным сургучом, – ломтик святого Артоса. Его вкушают в болезни и получают облегчение. Артос хранится у нас в киоте, со святой водой, с крещенскими и венчальными свечами. После светлой обедни, с последним пасхальным крестным ходом, трезвон кончается – до будущего года. Иду ко всенощной и вижу с грустью, что Царские Врата закрыты. «Христос Воскресе» еще поют, светится еще в сердце радость, но Пасха уже прошла: Царские Врата закрылись¹¹» [там же, с. 528].

Ныне праздник Пасхи в такой глубине, красочности оттенков и протяженности во времени (и вне всякого времени) мало кому знаком. То, что это забвение произошло не без воздействия причин, внешних празднику, очевидно. В советское время Пасху «отмечать» запрещали почти всем, кроме «несознательных старушек». Даже обнаружение крашеных пасхальных яиц могло стоить партбилета либо «запрета на профессию» (например, учителя или «идеологического работника»). Не говоря уже о невозможности проникнуть через ряды милицейского ограждения на Пасхальный крестный ход. Наши корреспонденты сообщают, что даже в середине 80-х годов XX века на Пасхальную службу с ребенком не пропускали (милиционеры ссылались на инструкцию). Откуда же в таком случае взяться детским воспоминаниям о Пасхе?

О том, что причины видимого ослабления присутствия праздника в сознании и опыте людей – внешние, косвенно свидетельствует и тот факт, что, например, в Болгарии Пасха (по-болгарски «Велик День») до сих пор самый почитаемый праздник. Правда, получены эти современные данные в болгарской «глубинке» [9].

¹⁰ Отсюда название дня недели – «воскресение»; само слово «неделя» по-славянски и означает этот день, свободный от всех дел («не-делать»). То, что мы ныне называем «неделей», по-славянски – «седмица». Тем самым седмичный недельный круг был закреплен в языке, и попытка замены его в 30-е годы XX века на пятидневку (а в 1940 году – на шестнадцатидневку) означала глубинное вмешательство в жизненные ритмы, в духовную жизнь граждан страны. В Ветхом Завете день покоя в недельном цикле – суббота, день отдыха Творца после завершения творения мира. Отсюда у иудеев суббота является днем, когда не положено работать. У мусульман таким днем является пятница. Таким образом, во всех случаях недельный цикл – семь дней.

¹¹ По церковному уставу Царские Врата, которые оставляют отворенными во всю Светлую седмицу, закрывают перед началом всенощной накануне Фоминой недели, называемой также «красная горка» – время первых, после почти двухмесячного перерыва, венчаний.

Рождество

В советской России были попытки также расправиться и с Рождеством. Но любимейший праздник детей всего крещеного мира устоял. В нашей стране он сохранился, конечно, в измененном, иногда трудно узнаваемом виде. Как показывают наши многолетние исследования, похоже, что именно праздник Нового года вместил в себя не только что-то от праздника Рождества, но стал на время прототипом (образцом) праздника как такового.

Однако хочется увидеть Рождество в «неизмененном» виде. Как переживали рождественские дни, весь период Святков в те времена общих для всех праздничных ритмов? Что особенного, отличного от других, было в ритмах Светлой седмицы? Какое место *тогда* занимал Новый год?

Одна из особенностей восприятия ребенка – способность видеть одну и ту же местность, дом, улицу каждый раз как *иные*, в преломлении времени года, настроения и др. Так «наблюдатель» у Шмелева чаще всего находится, видимо, у одного из окон своего дома в Замоскворечье. А вот напротив этого окна – «Барминихин сад», всякий раз разный. Над этим садом «играет солнце»¹² на Благовещение и на Пасху, восходит Рождественская звезда и разгорается морозное Рождественское утро. «Синеватый рассвет белеет. Снежное кружево деревьев легко, как воздух. Плавает гул церковный, в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. Выплывает огнем за садом. Сад – в глубоком снегу, светлеет, голубеет. <...> Вот оно, утро Праздника – Рождество. В детстве таким явилось – и осталось» [50, с. 345].

Ритм, который приносит этот праздник, другой – широкий, торжественный. Гул колокола далеко разносится в морозном воздухе. В мороз звук проникает дальше, чем обычно, наполняя «всю вселенную». Ритм Рождества – это ритм могучего, всепроникающего, вселенского торжества: «Христос рождается – славите! Христос с небес – срящите!»¹³ (т. е. «встречайте!»). Это праздник Дня рождения Спасителя.

Празднику предшествует продолжительный, но не такой строгий как Великий, Филипповский¹⁴ пост. Накануне Рождества – сочельник¹⁵: «В сочельник, под Рождество, – бывало, до звезды не ели. Кутью варили из пшеницы, с медом; взвар – из чернослива, груши, шепталы... Ставили под образа, на сено. Почему?... А будто – дар Христу. Ну... будто, Он на сене, в яслях». Слышатся разговорные интонации, – это опять взрослый рассказывает, а ребенок переспрашивает. Рассказывает взрослый Иван Шмелев маленькому племяннику Иву, полуфранцузу, никогда не бывавшему в России. Теперь он может увидеть «русское Рождество» таким, как оно отпечаталось в детской памяти: «Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. <...> Ноготком протрешь – звезды не видно? Видно! Первая звезда, а вон – другая... Стекла засинелись. <...> И звон услышишь. И будто это звезды – звон-то! Морозный, гулкий, прямо серебро. <...> В Кремле ударят – древний звон, степенный, с глухотой. А то – тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет. <...> Не Пасха,

¹² «Играње солнца», т. е. как бы быстрое перемещение, подпрыгивание восходящего солнечного диска – привычное явление, которые многие могут наблюдать ранним утром на Пасху. Иногда «играње» можно увидеть и в другие дни. Картина такая, будто солнце радуется, переливаясь всеми цветами радуги.

¹³ Ирмос Рождественского канона.

¹⁴ Название поста – от дня апостола Филиппа, предшествующего посту, который начинается 28 ноября по новому стилю. Продолжается Филипповский пост («Филиппки») до 6 января, также по новому стилю. Отсюда следует, что гражданский Новый год по принятому после революции григорианскому календарю пришелся как раз на последние дни поста.

¹⁵ Кроме Рождественского сочельника есть еще и Крещенский сочельник – день накануне праздника Крещения – 18 января по новому стилю.

перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... гул и гул» [там же, с. 340].

Много радостей несли Святки детям. А взрослые сами на время могли стать как дети. Елка, подарки, катанья, представленья, коледования. Даже гадания, обычно считающиеся большим грехом, допускались в эти дни. Причина «послабления» – в словах мудрого старичка Горкина: «На то и Святки. <...> Нынче не грех гадать. И волхвы гадали ко Христу были допущены. Так и установлено, чтобы один раз в году судьба открывалась. <...> А нонче Христос родился, и вся нечистая сила хвост поджала, крутится без толку, повредить не может» [там же, с. 363–364]. Сам Горкин, правда, лишь «играет» в гаданье, используя традицию в «педагогических» целях – он каждому из присутствующих подбирает полезное изречение «царя Соломона» незаметно для взрослых (но ребенок замечает все!).

Однако главное, к чему открыта душа ребенка, – это духовная сторона праздника. Душа ребенка активно ищет святое, свет. Она должна питаться светом, чтобы потом, во взрослой жизни уметь отличать свет от тьмы, доброе – от злого. Ародившийся на земле Спаситель – это Свет, родившийся в мир: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1,4–5).

Слово «святое» одно из самых часто встречаемых в книге Шмелева. В том-то и смысл «лета Господня», чтобы через праздничные ритмы найти, увидеть, почувствовать духовный лик людей, событий, явлений: «Идешь из церкви. Все – другое. Снег – святой. И звезды – святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она: над Барминихиным садом, низко. Она голубая, святая. Бывало, думал: «Если к ней идти – придешь *туда*. Вот прийти бы... и поклониться вместе с пастухами Рождеству! *Он* – в яслях, в маленькой кормушке, как в конюшне... Ты видишь, Ивушка? А ты зажмурься... Видишь – кормушка с сеном, светлый-светлый мальчик...» [50, с. 341].

Рождество дети проживали, проигрывали, они участвовали в этом празднике, он становился частью их опыта, их жизни. Детские спектакли на Рождественские сюжеты были повсеместны. Ходили дети (и взрослые) по домам «Христа славить» – колядовать.

«Мишка Драп несет Звезду на палке – картонный домик: светятся окошки из бумажек, пунцовые и золотые – свечки там. Мальчишки шмыгают носами, пахнут снегом.

– Волхи¹⁶ же со Звездой питаются! – весело говорит Зола.

*«Волхвов приючайте,
Святое стенайте,
Пришло Рождество,
Начинаем торжество!
С нами Звезда идет,
Молитву поет...»*

<...> Совсем не похоже на Звезду, но все равно...» [там же, с. 343].

О новогоднем празднике рассказов мало. Стоит посмотреть воспоминания, произведения художественной литературы: Рождеству посвящены главы, Новому году – лишь отдельные строчки. Не занимал тогда Новый год такого места как ныне! Но главный смысл его – начала нового этапа жизни – сохранился, как мы увидим дальше, до нашего времени.

¹⁶ Искаженное от «волхвы», т. е. мудрецы, звездочеты с Востока, узнавшие по появившейся новой звезде о рождении Спасителя мира.

Именины

Вы мало встретите рассказов о дне рождения в воспоминаниях и в произведениях дореволюционных авторов. Праздновали именины. И Татьяне Лариной пел свой романс мосье Трике на именины – в Татьянин день. И день рождения Наташи Ростовой едва упомянут Толстым, а вот именины описаны подробно: «У Ростовых были именинницы Натальи¹⁷, мать и меньшая дочь. С утра, не переставая, подъезжали и отъезжали цуги, подвозившие поздравителей к большому, всей Москве известному дому графини Ростовой на Поварской» [40, т. 1, с. 40]. Знаменательно, что Толстой именно в именины знакомит читателей со своей любимой героиней. Отсюда следует, возможно, что и имя очень важно для понимания ее характера¹⁸. Павел Флоренский писал об именах как об «архетипах духовного строения». Исследуя глубинное сходство характера при сходстве имен, он пришел к выводу, что именем выражается тип личности, ее онтологическая форма, которая определяет далее ее духовное и душевное строение [46, с. 71–79].

В именины сам человек – «не окончательный» центр поздравлений и похвал. За человеком стоит его Ангел, воплощенная и осуществленная святость, достижение которой и есть цель жизни на земле. В праздновании именин утверждалась целостная картина мироздания. В праздновании дня рождения эта картина предстает как бы в урезанном виде. Сам факт рождения человека является огромным событием вселенского масштаба: каждому дается шанс достигнуть святости. Но в праздновании только дня рождения этот образ осуществленной святости – постоянного примера для подражания – видимо не присутствует.

Для восприятия ребенка картина «не урезанной» вселенной... проще и понятнее. Вернемся к «Легу Господню». Добрый (и «святой», как называет его про себя Ваня) старичок Михаил Горкин готовится к своим именинам – дню архистратига Михаила: «Бог приведет, пировать завтра будем, – первый ты у меня гость будешь. Ну, батюшка придет, папашенька побывает, а ты все первый, ангельская душка. А вот зачем ты на Гришу наведни заплевался? <...> И у него тоже Ангел есть. Григорий Богослов, а ты... За каждым Ангел стоит, как можно... на него плюнул – на Ангела плюнул!

На Ангела?! Я это знал, забыл. Я смотрю на образ архистратига Михаила: весь в серебре, а за ним крылатые воины и копьа. Это все Ангелы, и за каждым стоят они, и за Гришкой тоже, которого все называют охальником.

– И за Гришкой?

– А как же, и он образ-подобие, а ты плюешься. А ты вот как: осерчал на кого – сейчас и погляди на него, позадь, и вспомнишь: стоит за ним! И обойдешься. Хошь царь, хошь вот я, плотник... одинако /одинаково/, при каждом Ангел. <...> За тобой Иван Богослов стоит... вот, думает, какого плевалыщика Господь мне препоручил! – нешто ему приятно? Чего оглядываешься... боишься?» [50, с. 255–456]. Немудреная педагогика, но, как оказалось, самая эффективная. Встретившись вновь с обидчиком, семилетний ребенок *сам* смог справиться с порывом вступить в перепалку: «Я хочу отругать его, плюнуть и растереть... смотрю, а за его спиной, вижу тень на стене за ним... – и вспоминаю про Ангела, который стоит за

¹⁷ Имена святых Татьяны, Натальи, Веры, Надежды, Любви, Софии и других встречаются в святцах один раз в году. Но есть много повторяющихся имен. Так Вл. Даль в «Толковом словаре» пишет, что имя Иван встречается в святцах 28 раз. Имя одно, а святые (Ангел) разные (либо день посвящается памяти иного события, связанного с тем же святым). У человека именины бывают только раз в году. По заведенной прежде традиции, по календарю выбиралось имя, близкое к дате рождения младенца.

¹⁸ Мученица Наталья, в честь которой получила свое имя Наташа Ростова, издавна считается покровительницей брака. Погибла она вслед за своим супругом, мучеником Адрианом во время одного из гонений на христиан (начало IV века). По первоначальному замыслу Толстого героиня его книги о декабристах должна была добровольно отправиться за своим мужем в ссылку.

каждым. Вспоминается <...> «скоро буду говеть в первый раз». Пересиливая ужасный стыд, я говорю ему:

– Гриша... я на тебя плюнул вчера... ты не сердись уж...

Он смотрит на меня, и лицо у него какое-то другое, будто он думает о чем-то грустном.

– Эна ты про чего... а я и думать забыл... – говорит он раздумчиво и улыбается ласково...» [там же, с. 457–458].

Когда общались «один на один» славный, но взрывной и импульсивный мальчик Ваня с «не очень хорошим» («охальником») Гришкой, то из этого каждый раз получалось несимпатичное столкновение. Включение в картину мира, в *представления* ребенка образа Ангела – потенциального духовного совершенства человека, меняет все на противоположное. И нет вражды: семилетний мальчик действительно справляется с ситуацией.

Чтобы люди не забывали такую картину мироздания, именины праздновались особенно пышно. Конечно, это зависело и от возможностей того социального слоя, к которому принадлежал именинник. Шмелев описывает среду московского купечества, что позволяет и читателю увидеть за именинным столом это великолепие «красной книги кулинарного искусства». «Горка» уже установлена, и такое наней богатство, всего и не перечесать: глаза разбегаются смотреть. И всякие колбасы, и сыры разные, и паюсная, и зернистая икра, сардины, кильки, копченые рыбы всякие, и семга красная, и лососинка розовая, и белорыбца...». Это только начало перечисления закусок, до обеда. А дальше: «Такого парадного обеда еще никто не помнил: сколько гостей наехало! <...> На постное отделение стола, *покоем*, – «П» – во всю залу раздвинули столы официанты, – подавали восемь отменных перемен: бульон на живом ерше, со стерляжьими расстегаями, стерлядь паровую – «владычную», крокеточки рыбные с икрой зернистой, уху налимыю, три кулебяки «на четыре угла», – со свежими белыми грибами, и с вязигой в икре судачьей, – и из лосося «тельное», и волован-огратэн, с рисовым соусом и с икорным впеком; и заливное из осетрины, и воздушные котлетки из белужины высшего отбора, с подливкой из грибков с каперсами-оливками, под лимончиком; и паровые сиги с гарниром из рачьих шеек...» [там же, с. 446–447].

Пышное русское застолье... Оно является чем-то очень важным в жизни, потому что даже в самые материально трудные годы на стол собирается, «достается» самое лучшее. «Русский стол» всегда неэкономный. С вариациями на достаток хозяев, но он должен «ломиться» от яств. Это не просто вкусное угощение. Человеку требуется гораздо меньше еды для насыщения. Важным является именно *обилие*, почти нескончаемое. Угощение на праздничный стол всегда готовится с большим запасом и, как правило, остается. Ради чего с большими стараниями, заботами, подчас с почти непосильными материальными издержками *воспроизводится* этот образ нескончаемого обилия всего самого вкусного? Может быть, он должен постоянно напоминать человеку образ бесконечного *райского тира*, той *награды*, которая ждет его по окончании земной жизни, если он провел ее, достойно своего Ангела.

И самый обильный стол прежде всегда занимал свое место в *иерархии* событий именин. Главное по важности происходило с утра: посещение церкви. Там – пир духовный. Там празднуется память самого святого. Именинник имеет возможность к ней *приобщиться*. «Хоть и День Ангела, а отец сам засветил все лампадки, напевая мое любимое – «Кресту-у Тво-е-му-у...». <...> В новом, золотисто-коричневом костюмчике <...> я вбегаю в столовую и поздравляю отца с Днем Ангела. Он вкушает румяную просвиру и запивает сладкой душистой «теплотцою» – кагорчиком с кипятком: сегодня он причащался» [там же, с.438].

Именины по традиции были и днем добрых дел: подать ли милостыню, накормить ли тех, кто победнее: «В летней мастерской кормят обедом нищих и убогих, – студнем, похлебкой и белой кашей. В зимней, где живет Горкин, обедают свои и пришлые, работавшие у нас раньше, и обед им погуще и посытней: солонинка с соленым огурцом, лапша с гусиным

потрохом, с пирогами, жареный гусь с картошкой, яблочный пирог, – «царский обед», так и говорят, пива и меду вволю» [там же, с. 441]. Именинный стол, хоть и состоит из разных «столов» разделенных по достатку и статусу гостей, но в целом он практически охватывает почти всех людей, имеющих хоть какое-то отношение к имениннику.

Так праздник именин становится образом *пира*, в котором призваны участвовать *все люди*¹⁹. В русской литературе есть прекрасный образ такого пира. Напомним, как Алеша Карамазов, герой романа Достоевского, потрясенный смертью своего старца Зосимы и запаху тления, исходящего от умершего святого человека, сначала убегает из монастыря, а потом, когда возвращается, слышит и воспринимает все как бы сквозь сон – в «тонком сне», как называлось такое состояние в святоотеческих источниках. «Было уже очень поздно по-монастырскому, когда Алеша пришел в скит. <...> Кроме отца Паисия, уединенно читавшего над гробом Евангелие²⁰, <...> в келье никого не было. <...> Алеша повернул вправо от двери в угол, стал на колени и начал молиться. Душа его была переполнена, <...> но сердцу было сладко и, странно, Алеша не удивлялся этому. Опять видел он пред собою этот гроб, этого закрытого кругом драгоценного ему мертвеца, но плачущей, ноющей, мучительной жалости не было в душе его, как давеча утром. <...> Он тихо начал молиться, но вскоре сам почувствовал, что молится почти машинально. <...> Стал было слушать, что читал отец Паисий, но, утомленный очень, мало-помалу начал дремать...

«И в третий день брак бысть в Кане Галилейстей, – читал отец Паисий, – и бе Мати Иисусова ту. Зван же бысть Иисус и ученицы Его на брак».

«Брак? Что это... брак..., – неслось как вихрь, в уме Алеши <...>.

«...И не доставишу вино, глагола Мати Иисусова к Нему: вина не имут...» слышалось Алеше.

«Ах да, я тут пропустил, а не хотел пропускать, я это место люблю: это Кана Галилейская, первое чудо... Ах это чудо, ах, это милое чудо! Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог... «Кто любит людей, тот и радость их любит...» Это повторял покойник поминутно, это одна из главнейших мыслей его была. <...> Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощения – это опять-таки он говорил...».

«...Глагола Ей Иисус: что есть Мне и Тебе, Жено; не у прииде час Мой. Глагола Мати Его слугам: еже аще глаголет вам, сотворите».

«Сотворите... Радость, радость каких-нибудь бедных, очень бедных людей... Уж конечно, бедных, коли даже на свадьбу вина не достало... Вон пишут историки, что около озера Геннисаретского и во всех местах расселено было тогда самое беднейшее население, какое только можно вообразить... И знало же другое великое сердце другого великого существа, бывшего тут же, Матери Его, что не для одного лишь великого страшного подвига своего сошел Он тогда, а что доступно сердцу Его и простодушное немудреное веселие каких-нибудь темных, темных и нехитрых существ, ласково позвавших Его на убогий брак их. «Не пришел еще час Мой», – Он говорит с тихой улыбкой (непременно улыбнется Ей кротко) ... В самом деле, неужто для того, чтоб умножить вино на бедных свадьбах, сошел Он на землю? А вот пошел же и сделал же по Ее просьбе... Ах, он опять читает».

«... Глагола им Иисус: наполните водоносы воды, и наполниши их до верха.

И глагола им: почерпните ныне и принесите архитриклинови, и принесоша.

Якоже вкуси архитриклин вина бывшего от воды, и не ведяше откуда есть: слуги же ведяху почерпниши воду: пригласи жениха архитриклин.

¹⁹ Нам представляется, что именно такое символическое значение праздничного стола особенно выражено в традиционных застольях многочисленных народов Кавказа: за общий стол немислимых размеров действительно приглашают всех.

²⁰ Над гробом умершего священнослужителя читается Евангелие, а не Псалтирь, как над мирянами.

И глагола ему: всяк человек прежде доброе вино полагает, и егда упиются, тогда худшее: ты же соблюл еси доброе вино доселе»²¹.

«Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ах да... ведь это брак, свадьба... да, конечно. Вот и гости, вот и молодые сидят, и веселая толпа и... где же премудрый архитриклин? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встает там из-за большого стола? Как... И он здесь? Да ведь он во гробе.... Но он и здесь... встал, увидел меня, идет сюда... Еосподи!

Да, к нему, к нему подошел он, сухенький старичок, с мелкими морщинками на лице, радостный и тихо смеющийся. Ероба уж нет, и он в той же одежде, как и вчера сидел с ними, когда собирались к нему гости. Лицо все открытое, глаза сияют. Как же это, он, стало быть, тоже на пире, тоже званный на брак в Кане Галилейской...

– Тоже, милый, тоже зван, зван и призван, – раздается над ним тихий голос. <...>

Голос его, старца Зосимы...<...>

– Веселимся, – продолжает сухенький старичок, – пьем вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? Вот и жених и невеста, вот и премудрый архитриклин, вино новое пробует. Чего дивишься на меня? Я луковку подал, вот и я здесь...» [8, т.2, с. 45–47].

«Луковку подал», то есть сделал совсем малое добро, но и такой малости хватило, чтобы попасть на этот вечный пир духовной радости...

Возможно состояние, позволяющее почувствовать миг участия в этом пире, происходящем в вечности, и связано оно с эстетическим впечатлением от выдающейся живописи, особого расположения зрителя, делающегося одновременно как бы участником всех сцен, изображенных в росписи, и, конечно, с внутренней готовностью самого человека к такому восприятию. Один из наших корреспондентов рассказал, как он однажды волею судьбы оказался за границей в небольшом православном монастыре, основанном в 50-е годы XX века русским подвижником и иконописцем архимандритом Софронием (Сахаровым)²². Все убранство территории и росписи здесь создавались по замыслу или при участии отца Софрония. Его кисти принадлежит и роспись трапезной. Сцены эти, как принято, написаны на сюжеты «двунадесятых» Господских праздников.

Наш рассказчик вспоминает, что оказался в этом месте в период трудных душевных раздумий, в состоянии внутреннего оцепенения и равнодушия. Казалось, Бог *навсегда* отвернулся от него. Озябшего и проголодавшегося его пригласили в трапезную. И вот, когда он поднял глаза, то увидел напротив внимательный и всепроникающий взор Христа, сидящего вместе с учениками на Тайной Вечери, и себя – сидящего с ними. Так расположена была роспись, что пиршественный стол на стене как бы продолжался в реальных столах помещения трапезной. И святой лик Спасителя *смог достучаться* до закрывшейся от Него прежде души человека, чтобы сообщить: «*Я всегда рядом с тобой*».

²¹ Евангельское чтение на церковнославянском языке во времена Достоевского было привычно и понятно всем. Тот же текст на русском языке: «На третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как не доставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой. Матерь Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте. Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, – а он не знал, откуда это вино; знали только служители, почерпавшие воду, – тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе» (Ин. 2. 1–10).

²² Архимандрит Софроний (Сахаров) (1897–1993) – выдающийся русский иконописец и подвижник, ученик преподобного Силуана Афонского. Архимандрит Софроний является автором книги «Старец Силуан. Жизнь и поучения» [37], в последнее десятилетие неоднократно переиздававшейся в России.

Преображение

В чреде праздников «лета Господня» есть событие, в котором отразился Божественный Лик. Прекрасный, но доступный земному зрению образ Христа-человека, преобразился на горе Фавор: «и просияло лице Его, как солнце, одежды Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17.2).

По календарю праздник Преображения приходится на конец лета (6 августа – по старому и 19 августа – по новому стилю). В народе его еще называют «яблочный Спас»: в церкви освящают яблоки и с этого дня их разрешается есть²³. Если бы их можно было есть всегда, то и невозможно было бы *так* почувствовать, какое это чудо – спелое яблоко.

Андрей Рублев. Звенигородский чин. Начало XV века. Новгород.

²³ В России с ее холодным климатом яблоки как бы заменили виноград: ветхозаветный запрет на вкушение винограда в определенное время года у нас превратился в запрещение есть яблоки также в определенное время года. В народной традиции русских людей следование этому запрету оказалось столь стойким, что сохранилось дольше, чем понимание смысла самого праздника Преображения Господня. По свидетельству наших корреспондентов многие пожилые люди в Подмосковье до настоящего времени строго соблюдают «яблочный пост».

«В спертom горячем воздухе пахнет ныне особенным – свежими яблоками. Они везде, даже на клиросе, присунуты даже на хоругвях. Необыкновенно, весело, – будто гости, и церковь – совсем не церковь. И все, кажется мне, только и думают об яблоках: Ему-то и принесли их – посмотри, Господи, какие! А Он посмотрит и скажет всем: «Ну хорошо, и ешьте на здоровье, детки!» И будут есть, уже совсем другие, не покупные, а церковные яблоки, святые. Это и есть – Преображение» [50, с. 336–337].

Яблоки – плод земли. Спелые, они падают на землю. Подобно тому и человек, созрев, уходит из этой жизни, как спелый плод. Эту ноту праздника Преображения смог почувствовать поэт. У Бориса Пастернака есть прекрасное стихотворение «Август», написанное в 1953 году. В этих строчках он также предчувствует и свой уход.

.....
*Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по-старому,
Преображение Господне.*

*Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень ясная как знаменье,
К себе приковывает взоры.*

<...>
*«Прощай, лазурь Преображенская
И золото второго Спаса.
<...>
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».*

Само событие Преображения Господня было незадолго до предательства Иуды и Распятия. В Преображении ученикам Его было дано увидеть Божественный Свет, чтобы «егда увидят Тя распинаема, страдание убо уразумеют вольное»²⁴. То есть, когда ученики увидят распятие Христа, они смогут понять, что это страдание Он мог принять только по Своей воле.

²⁴ Кондак празднику Преображения.

Радуница

«Сегодня «усопший праздник», – называет Горкин: сегодня поедem на могилки, скажем ласковым шепотком: «Христос Воскресе, родимые, усопшие рабы Божие! Радуйтесь, все мы теперь воскреснем!» Потому и зовется – Радуница²⁵!» [50, с.537]. У Шмелева нет описания привычных теперь шествий на кладбище в самый день Пасхи. Видимо, и не было этого в условиях большого города (в селе до кладбища далеко идти не надо – оно располагалось обычно за церковью). Какое шествие после Пасхальной заутрени, когда всю ночь пели «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ», то есть смертью и Воскресением Христа над смертью одержана победа! Даже в чине отпевания, если и случится оно на Пасху, вместо грустных песнопений поется радостный Пасхальный канон.

На могилки шли или ехали через неделю, на Радуницу. Что же было и сейчас еще происходит в России на Пасху – это множество людей, едущих, идущих на кладбища к своим умершим близким? Получилось так, что и в такой, измененной, форме праздник устоял, потому что этим нескончаемым шествием сохранялась о нем память в народе.

Близкие живут в сердце человека. «Где они все? Нет уже никого на свете. А тогда, – о, как давно-давно! <...> думал ли я, что они все ко мне вернуться, через много лет, из далей... совсем живые, до голосов, до вздохов, до слезинок, – и я приникну к ним и погрузу!» [там же, с. 359].

Праздник служит связи поколений. Он формирует картину цельного мира, служит существенной взаимосвязи событий и явлений. Праздник закрепляет в душе ребенка навыки и стремление видеть духовный смысл всего происходящего. В мире праздничного годового круга смерть преодолевается, повседневные предметы и вещества видятся как чудесные, наполненные светом, *святые*. Березки и трава украшают храмы в праздник Троицы. Особое время для освящения вербы (Вербное воскресенье), яблок, меда, орехов. Дни особого освящения всех источников воды – Крещение... Мир праздников похож на мир детства. Он и является таким. В нем дети и взрослые становятся по-хорошему детьми (а не сентиментальными инфантилами).

Анализируя работы Эрика Берна, Т.А. Флоренская в своей последней книге [43] заметила, что сама мысль о том, что и во взрослом человеке присутствуют Родитель, Взрослый и Ребенок, продуктивна, однако описание Берном каждой из «ролей» страдает неточностью. «Взрослый», как его понимает автор книги «Игры, в которые играют люди», не является окончательным идеалом, к которому следует стремиться человеку в своем поведении, потому что руководство только здравого смысла и целесообразности может сделать мир механистичным, плоским и лишенным тайны. А Ребенок это не обязательно вечно незрелый инфантил. Настоящий Ребенок, умеющий удивляться, прозревать (видеть) в обычных вещах и явлениях таинственное и сокровенное, должен быть в каждом человеке, чтобы он стал, как пишет Флоренская, «цельным».

Такое понимание образа Ребенка мы встретили также в литературоведческой работе, анализирующей творчество А.С. Пушкина. Автор – Валентин Непомнящий, говорит, что у Пушкина слово «дети» встречается в двух смыслах: то как «злые», «капризные», «избалованные» («среди лукавых, малодушных, шальных, балованных детей...»), то в смысле вечной детской творческой сущности человека. Первое значение чем-то напоминает образ ребенка у Берна, а вот на втором хотелось бы еще остановиться. Непомнящий пишет: «Ребенок – это целостный человек, личность во всей ее полноте и глубине, но как бы свернутая в пружину; на протяжении жизни она разворачивается. Ребенок всегда «позади», но всегда

²⁵ Радуницу празднуют во вторник Фоминой недели – недели, следующей за Пасхальной.

впереди взрослого. Тоска по детству – тоска по цельности» [25, с. 52]. В сохранившемся Ребенке исследователь находит истоки пушкинского гения. Анализируя становление поэта в раннелицейскую пору, он замечает: «Сказать о ребенке, что он «пуст», можно лишь в нашем обиходно-интеллектуальном, горизонтальном смысле. Ребенок «полнее» нас, взрослых. Он полон грандиозно-непосредственных ощущений и ведений, полон первоначальных жизненных стихий – он бытийственно полон. Он стихийный натурфилософ и великий артист, ибо, имея дело с первостихиями жизни, познавая эти первостихии – огонь и воду, холодное и горячее, мягкое и твердое, движение и статику, боль и радость, желание и покой и пр., – он в то же время наделен недостижимой уже для нас верой и непосредственностью. Он может играть во что угодно: в огонь и камень, в кошку, в паровоз, в ветер и в стул, – это ему ничего не стоит, здесь его жизнь; и в этом перевоплощении он самозабвенно серьезен. Дети вообще очень серьезные люди – даже смех для них дело жизненное и серьезное. А игра серьезней всего: в игре это космическое существо осваивается в нашем мире, обживает заложенную в нем и в себе премудрость» [там же, с. 372].

Именно сохранившийся Ребенок из детства позволил немолодому уже Ивану Шмелеву вновь пережить чреду праздников в родном Замоскворечье конца 70-х годов XIX века, выжить самому вдали от Родины, передать этот опыт праздника своему полурусскому племяннику и оставить всем своим соотечественникам, то есть нам, книги, главная из которых «Лето Господне».

Интервью с экспертом

или Диалоги о празднике.

Задача праздника – восстановить нарушенную гармонию между людьми и природой и устранить отчуждение людей от природы и общества

За сто с лишним лет, прошедших со времени «Москвы златоголовой», описанной Иваном Шмелевым, многое изменилось в нашей жизни. Уцелела малая часть «сорока сороков», да и сохранившиеся московские церковки не выделяются уже так на фоне высотных строений. Почти неузнаваемой стала жизнь русских людей, жизнь других народов России.

Однако сам праздник как явление жизни и как неистребимая потребность человека остался. Роль его трудно преувеличить, но психологам как-то удавалось обходить это стороной. У нас есть предположение, что причина – в сложившемся образе психологического знания. Отказавшись от «души» (*psihe*), слово (*logos*) касалось психических процессов, психических состояний, способностей, но редко произносилось о цельности человека.

Отечественную психологию всегда отличало стремление к этой цельности. Даже в истории периода вынужденного марксизма есть такие яркие образцы, как «Человек и мир» С.Я. Рубинштейна, «Ум полководца» Б.М. Теплова. Теплов, вспоминая введенное еще Аристотелем понятие «стремящийся разум», говорит о неразрывном единстве ума и воли у гениального полководца, когда один психический процесс (мышление, ум) невозможно отделить от другого (воли). Рубинштейн основанием внутреннего единства (цельности) человека выводит нравственный закон и говорит о том, что восстановление порушенной цельности возможно через сознание и через эстетическое чувство (чувство прекрасного). В работе «Человек и мир» он пишет: «Человек, отчужденный от природы, от жизни Вселенной, от игры ее стихийных сил, не способный соотнести себя с ними, не способный перед лицом этих сил найти свое место и утвердить свое человеческое достоинство, – это маленький человек. Прекрасное как завершенное в себе, совершенное явление, увековеченное в своем настоящем чувственном бытии, есть первый пласт души человека» [30, с. 378].

Многое для психологии здесь дают лучшие образцы художественной литературы, к которым обращаются психологи (и не только отечественные – вспомним замечание Г. Олпорта о том, что «психологом» в полном смысле слова можно считать хорошего писателя, а научная психология пока только стремится к подлинному знанию о законах жизни души [27]). Многие для понимания дают смежные науки: философия, этнология, этнография, филология...

Обратившись к теме праздника, мы чувствовали себя довольно одинокими в своей науке, пока не познакомились со специалистами по античности и балканистике²⁶. Робко заявив свою «праздничную» тему, мы неожиданно для себя оказались на сессии, целиком посвященной празднику. Слушая доклады о символической роли праздничной одежды, погребальных обрядов, праздничных действий, мы увидели, насколько это знание наполнено психологическим смыслом. И сербы, и болгары, и древние греки понимали праздник как путь приобщения человека к единству мироздания.

В «Словаре античности» слово «праздник» выводится от латинских «*dies festus*», «*fesia/feria*», что означает «день, свободный от работы», и говорится о том, что с древних времен задача праздника – «восстановить нарушенную гармонию между людьми и природой и устранить отчуждение людей от природы и общества» [36, с.455]. Обрядовые действия, пение и танцы играли служебную роль.

Праздник существует всегда – с самых древних времен человечества и до настоящего времени. Он и изменчив в каких-то деталях от культуры к культуре. Он и неизменен в главном, самом существенном своем качестве: способности восстанавливать цельность человека, восстанавливать гармонию между людьми и природой.

Казалось бы, праздник, понимаемый таким образом, должен был давно привлечь к себе внимание психологов. Однако этого пока не произошло. Настоящими специалистами,

²⁶ Мы благодарим Ирину Александровну Седакову за приглашение на конференцию «Homo Balkanicus» (Институт славяноведения РАН, 2001).

экспертами по вопросам, связанным с особенностями праздничного поведения, историей праздничной культуры являются, как мы уже говорили выше, ученые, работающие в смежных с психологией областях науки. Необходимо включиться в диалог с этими исследователями. В каких-то вопросах психологи тоже могут сказать свое веское слово. Главный критерий здесь – «цельная» личность и пути обретения этой цельности в празднике.

Для осуществления диалога пришлось преодолевать расстояние, сначала – географическое.

Осенью, когда в Москве завывают холодные ветра, моросит дождь, замерзают ночью лужи, в Ереване происходит настоящий праздник природы. Осень – лучшее время в Армении. Уже нет знойной жары. Солнце такое ласковое и милое, а вечером приходит приятная прохлада. В один из таких вечеров и состоялось *интервью с экспертом*. Обсуждали тему праздника, потому что нашим собеседником был известный во многих странах мира этнолог Левон Абрамян²⁷. Левон занимается праздничной темой уже двадцать лет. Его книга «Первобытный праздник и мифология» вышла в свет в 1983 году.

Наша беседа протекала в непринужденной обстановке. За столом собрались также друзья, ученики и коллеги знаменитого этнолога. Вопрос, поставленный в начале беседы, был таким: *«Что такое для Вас праздник?»* И следующий: *«А праздники, они вообще разные?»*

ЛЕВОН: Праздники? Ну, праздники, естественно, разные, но в празднике, видимо, есть какая-то модель, которая одинаково сближает именно праздники, и мы можем говорить о празднике как таковом. Праздники – это то, что не будни. Там все противоположно будням или не так, как в будни. Поэтому, когда есть много праздников, их связывает то, как они оформляют свое не буднее бытие. И оказывается, что у них есть целый ряд общих качеств. Ну, скажем, снятие запретов, которое универсально для праздников. И тем самым мы сразу можем увидеть, чем отличается именно праздник от какого-нибудь ритуала, где то же самое может быть. Скажем, в ритуале это будет обязательно торжественно, а в празднике это будет обязательно с весельем. И когда многие вещи так накладываются, мы уже можем говорить, где эта ось находится. Также и похороны. Похороны – это похороны, но и в празднике тоже есть обязательно элементы умирания и возрождения, поэтому как раз тризна туда больше подходит. Неожиданно из похоронной обрядности какая-то часть вдруг входит в праздник. Это древнейший праздник.

– *В работах Ваших я читала о празднике как карнавале. У меня самой нет опыта личного участия в карнавале, и мне эта мысль просто в голову не приходила. И в православной культуре, похоже, нет карнавала. Нет переодевания. Есть переодевания на масленицу, но это опять же не православное, а от язычества.*

ЛЕВОН: – Да, естественно, языческое. В армянской масленице эта карнавальность есть как раз. Это единственный праздник, где можно увидеть карнавальность. В православной масленице она тоже есть.

– *Каждый праздник – это карнавал или все-таки это не обязательно?*

ЛЕВОН: – А вот я вообще-то пошел бы обратным путем. Дело в том, что от карнавала я пошел бы к празднику. Карнавал изучен блестяще Бахтиным. Предложенная им карнавальная схема, она действует особенно в таких обществах, где ее легко воспроизвести, а это всегда те общества, где есть верх и низ, это он блестяще показал. Когда есть два полюса, то они карнавально переворачиваются. И вот один из языков карнавала, по которому ты узнаешь карнавал, – это его перевернутость.

– *Все наоборот, да?*

²⁷ Беседа с Левоном Абрамяном состоялась в октябре 2001 года. Светлана Тихомирова, участвовавшая в этой беседе, выражает свою благодарность за внимание, теплый и радушный прием, а также заранее приносит свои извинения за возможные неточности изложения устной речи. Мы стремились сохранить в тексте разговорные интонации. Вообще тема праздника так многопланова и богата, что для нее более всего подходит форма диалога.

ЛЕВОН: – Оттуда я пошел дальше, потому что изучал праздники в более архаических обществах, где нет такой строгой иерархичности, но зато есть множество оппозиций. Если здесь действует верхняя оппозиция, то, как правило, только со своими разными подвидами, то в тех обществах, которые я немного знал, скажем, австралийские аборигены и такого типа архаические общества, там я неожиданно увидел, что происходит то же самое с каждой оппозицией. То, что Бахтин увидел на одной оппозиции, поэтому он и смог ее так блестяще описать, она там довлеет, то здесь действовала – в одном больше, в другом меньше, но по абсолютно той же схеме, – и получалась модель хаоса, когда все бинарные структуры, оппозиции, которыми определяется общество (во всяком случае, которыми можно описать общество), оказываются в особом состоянии – не обязательно перевернутом: они могут быть перевернуты, могут быть слегка сдвинуты, могут просто ликвидироваться, могут смазываться, но с ними обязательно что-то происходит.... Именно такие состояния хаоса мы с Гаяне²⁸ и пытались как-то привести к общему знаменателю в разных культурах и увидели, что прямо до них бывает некое состояние *гиперструктур*. Если хаос – это *антиструктура*, то прямо до этого, вроде бы, в обязательном порядке мы имеем усиление структуры космоса, которое было до праздника, а затем – такое вот разрушение его, чтобы потом восстановить совершенно нормальный космос, какой был до праздника.

– *Это примерно то состояние, когда все нельзя, нельзя, нельзя, нарастает, а потом – можно?*

ЛЕВОН: Нельзя, нельзя, нельзя – вот это есть, а потом в один момент идет – очень нельзя: очень нельзя, сверхнельзя. Получается, что все эти нельзя становятся на уровне кристалла даже.

– *А на каких-то примерах это нельзя?*

ЛЕВОН: Ну вот это, например, в нашем докладе совместном, там начинается с советского парада, который воссоздает советское общество в гиперструктурированном виде. Мы видим все структуры общества, они абсолютно сжаты. Сверхсжатое общество. Парад, если Вы вспомните, в советское время он делился на состав трудящихся, или там Армия идет, национальности идут тоже. Вся структура общества там проходит в сверхсжатом, то есть в гипертрофированном, сверхорганизованном виде, после чего происходит...

– *Настоящий праздник?*

ЛЕВОН: – Да, пьянка, которая, в принципе, не замечается, потому что она ритуально не зафиксирована. Более того, она нежелательна, и именно поэтому всегда старались, чтобы время праздника не превышало трех дней (даже если предпраздничные дни попадали на красные дни недели), иначе можно не выйти из этого состояния, а из этого состояния надо ритуально выходить. Как в традиционных обществах, их создают ритуально, чтобы потом космос восстановился. А здесь, так как космос – искусственный, он был силой нажит в свое время тоталитарным режимом, и поэтому его создают также в строго сжатом, гипертрофированном виде, чтобы гарантировать его возврат. И получается, что...

– *Ударение больше на это ставится...*

ЛЕВОН: – И поэтому мы замечаем это. Потом мы заметили, что, вроде бы, то же самое происходит всюду, просто иногда описывали так сильно антиструктурированное состояние, что не замечали этой структуры, сверхструктуры. Вот в масленице, например, обращают внимание на разные масленичные фигуры, разные обряды проводов зимы, на тысячу такого рода вещей, которые семантически наполнены. А, например, встречу Масленицы так не описывают. А она сооружается специально. Она сооружается как нечто, имеющее все признаки прошедшего года. Это сверхструктурированный год, не просто зима, это все старое. И сжигают именно это, а не просто сжигают зиму, как сегодня это представляется.

²⁸ Гаяне Шагоян, подробнее см. работу [2].

– *То есть сакральный смысл?*

ЛЕВОН: – Получается, что есть такая сжатая структура прошедшего года, и во время годового праздника ты ее создаешь и ее уничтожаешь. Чтобы новый год, послемасленичный, – это получается, если считать по весеннему календарю, – чтобы он был настоящим космосом. То есть, там это есть, но не видится из-за чрезвычайного богатства побочных тем.

– *А вот такой праздник как Новый год?*

ЛЕВОН: – Новый год еще больше, потому что, новый год – это страх перед хаосом. На грани старого и нового года происходят всякие неопределенные вещи. Именно силы хаоса грозят в новогоднюю ночь. Это универсальное понятие вообще нового года. Новогодний ритуал у всех народов воссоздает, архетипически воссоздает, по модели он воссоздает начало мира. Именно тогда воссоздают, ну, можно сказать, сверхсжатую историю космоса. В Древней Индии был предновогодний ритуал, когда в форме вопросов и ответов воссоздавалось творение мира. Вообще, в это время совершаются самые важные обряды. Именно обряды, имеющие дело с началом мира и формированием структур. Причем и структур времени, и структур государства, и вообще всего мира. Новый год как раз хорошо все это показывает. Вроде бы, не должен, а показывает.

– *А вот сегодняшний Новый год?*

ЛЕВОН: – Сегодняшний Новый год? Тоже.

– *У нас нет этих ритуалов...*

ЛЕВОН: – появляются. Мы неожиданно вдруг увидели, что президенты дают отчет о прошедшем годе. Сжатым образом воссоздают прожитое, причем самое важное и в самом сжатом виде. Речь президента прямо перед Новым годом – это как ритуальный отчет, сжатый год. И еще мы заметили такую закономерность: правильно, нет у нас особых ритуалов, но по телевизору мы каждый Новый год смотрим «Карнавальную ночь»...

– *А у нас в России все время идет «Ирония судьбы...».*

ЛЕВОН: – И то, и это, или вместе, кстати, тот тоже абсолютно того же типа. Он же с переворачиванием. Настоящая путаница, переодевания...

– *Общее состояние единообразия...*

ЛЕВОН: – С пьянством, это уже праздничное пьянство. И спутать одно с другим – это настоящее карнавальное состояние, причем пьяный оказывается лучше, чем трезвый, – это все ведь там есть. Там же Яковлев, который – положительный, вроде бы, герой, – оказывается в худшем свете, а пьяница и хам, кстати, становится настоящим героем. Классическая карнавальная ситуация. При этом он теряет, на мой вкус, не очень симпатичную невесту и приобретает зарубежную, хорошую Барбару Брыльску. Так что даже здесь эта модель как-то срабатывает.

– *Праздник Нового года – явление социальное?*

ЛЕВОН: – Да, социальное, ведь Новый год – не семейный праздник. В тех обществах, где это семейный праздник, например, в Китае, там празднование в каждом доме. То есть ты знаешь, что в каждом доме это есть, и ты справляешь всем миром, но подуровень у тебя – семья.

– *То есть это вот речь президента, бой курантов, вся страна со сдвинутыми бокалами шампанского...*

ЛЕВОН: – Ну, ты смотри, как у нас тут получается: мы начинаем в 12 часов ночи праздновать, и с москвичами празднуем, то есть у нас есть уже праздничное настроение, и нам нетрудно обновлять этот праздник и его расширять. У нас идет по методу расширения.

– *И еще я хотела бы спросить про ритмичность. У нас ряд исследователей сделали вывод, что праздники задают ритм жизни, то есть вводят какой-то ритм: масленица, после масленицы – пост, затем Пасха и так далее. От праздника к празднику что-то про-*

ходит, какие-то ритмы жизни задают сами праздники, то есть в некотором смысле они являются социальной структурой...

ЛЕВОН: – Это действительно так, и целый ряд исследователей это отмечал. Эдмунд Лич сказал, что праздник создает время. Есть такое выражение в его известной работе, о карнавале, кстати. Это выражение принадлежит Эдмунду Личу, что праздник сам создает время, что его цикличность именно в этом и заключается, так что это на самом деле так, тем более когда время цикличное, а не линейное, праздники создавались главным образом тогда, когда они были цикличны. Тогда никто не отмечал 1700-летие принятия христианства, а отмечали каждый год конкретный праздник, причем его отмечали так почему? Потому что солнце так стало, то есть это настоящие вещи во времени, а все временные вещи связаны со светилами всегда. Или время года меняется, или вот сельскохозяйственное. Так что это очень важный момент праздника, но сегодня он не действует. Он действует только как новый год, ты отмечаешь новый год и день рождения, все остальные эту ритмичность потеряли, вообще-то говоря. Они – просто отдушины сегодня и идут в таком линейном времени. Сегодня это линейный бег, в один момент ты остановился, отдышался, напился и пошел дальше, то есть ты не прощаешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.